

С. Кан

Гражданское мужество ученого: Л.Я. Штернберг после Октября 1917 г.

Введение

О мужественном поведении Льва Яковлевича Штернбега в царской тюрьме и ссылке хорошо известно и немало было написано. Из воспоминаний его жены, друзей и соратников по «Народной воле» и сахалинской ссылке вырастает образ смелого, принципиального и отзывчивого человека, всегда готового прийти на помощь преследуемому и обиженному¹. Характер «старого народовольца», как часто называл себя сам Лев Яковлевич, вовсе не изменился после прихода к власти большевиков, но по весьма понятным причинам советские биографы вынуждены были умалчивать о его смелых поступках послеоктябрьского периода жизни².

Однако даже за последние двадцать лет эта тема не была затронута ни одним из историков этнологии. Единственное упоминание о «неприятностях» Штернберга после большевистского переворота появилось в библиографическом словаре востоковедов, жертв политического террора в советский период, где содержится очень краткая биография ученого [Васильков и Сорокина 2003: 428–429]. В ней упоминается о том, что в феврале 1921 г. он был арестован и вскоре освобожден по ходатайству Максима Горького, но при этом не указано, по какой причине он был арестован.

Возможно, отсутствие интереса к гражданской позиции Штернбега в годы советской власти объясняется тем, что он не был репрессирован и помимо этого ареста, длившегося всего несколько дней, никогда не имел прямых столкновений с карательными органами. Возможно также, что многие ученые воспринимали и до сих пор воспринимают этого народовольца и эволюциониста, не эмигрировавшего из России, как вполне лояльного советского ученого, кото-

¹ Фактический материал, использованный в этой статье, заимствован из моей монографии [Кан 2009].

² См., например: [Гаген-Торн 1975].

рый принял новую власть и которому ничто не грозило в последнее десятилетие его жизни.

Действительно, если можно так выразиться, Льву Яковлевичу «повезло»: он умер в 1927 г., т.е. до начала высылки и арестов старой интеллигенции конца 1920-х — начала 1930-х годов и массовых репрессий конца 1930-х годов. Как писал один из его учеников Николай Поппе [1983: 68], «Штернберг был революционером старой школы, для которого свобода была превыше всего, и потому он страдал духовно при советской власти. Если бы он прожил дольше, он, вероятно, был бы арестован и закончил бы свою жизнь в лагере».

Не занимаясь догадками, я хотел бы в этой статье изложить те немногие сведения, которые мы имеем о гражданском мужестве Льва Яковлевича 1920-х годах. Они весьма интересны как штрихи к портрету одного из ведущих российских этнологов конца XIX — первой четверти XX в., **а в более широком плане — представителя дореволюционной левой антибольшевистской интеллигенции в первом десятилетии нового режима.**

Прежде чем рассмотреть гражданское поведение ученого после октября 1917 г., необходимо кратко охарактеризовать его отношение к большевикам к моменту их прихода к власти. В ходе работы над биографией Штернберга мне удалось установить, что со времени основания партии эсеров (ПСР) и до Февральской революции он, безусловно, поддерживал контакты с некоторыми из ее лидеров (например, с Виктором Черновым), хотя, видимо, и не принимал активного участия в подпольной работе этой партии. Главное, что, как многие бывшие народовольцы, он разделял основы идеологии эсеров, хотя, по-видимому, с годами стал более умеренным в своих взглядах.

В годы Первой мировой войны Лев Яковлевич занял «оборонческую» позицию, Февральскую революцию встретил с энтузиазмом, а с приходом к власти Временного правительства активно включился в работу правого крыла эсеровской партии в качестве журналиста. На страницах органа Петроградских правых эсеров «Воля народа» он резко критиковал врагов нового правительства, при этом указывая на то, что «контрреволюция слева» (т.е. большевики) представляет для страны гораздо большую опасность, чем монархисты и другие «контрреволюционеры справа».

Постепенно правые эсеры Петрограда все больше и больше стали расходиться во взглядах не только с левыми эсерами, но даже и с центристами типа Чернова, которых они обвиняли в недостаточно твердой поддержке Временного правительства и его политики «войны до победного конца». Эти разногласия привели, в конце концов, к тому, что в сентябре 1917 г. они образовали отдельную группировку под названием Петроградская группа социалистов-революционеров. Настаивая на том, что не собирается выходить из ПСР, эта группа выставила своих кандидатов на выборы в Учредительное собрание, в том числе Штернберга, который, однако, в него не прошел [Дело народа. 1917. 180: 3].

Не удивительно, что Лев Яковлевич воспринял большевистский переворот как предательство революции и трагедию для страны, а его газета стала немедленно призывать к свержению нового режима. В конце ноября — первых числах декабря 1917 г. он принимал участие в съезде ПСР, где выступил с критикой левых и центристских течений в партии [Шелухаев 2000: 145–146]. Через несколько дней после этого большевики разогнали Учредительное собрание, а через полтора месяца (после серии рейдов и арестов ряда членов редколлегии) «Воля народа» была окончательно закрыта.

Немолодой ученый, здоровье которого было уже подорвано, встал перед выбором — продолжать борьбу с новым режимом нелегально или прекратить ее и сконцентрироваться на музейной, научной и педагогической работе, жизненно важной для него. Не удивительно, что он выбрал второе, тем более что к тому времени пожилой директор МАЭ В.В. Радлов был уже сильно ослаблен голодом и руководство музеем было в значительной степени в руках Льва Яковлевича. Оставить свое любимое детище без присмотра он не мог.

Л.Я. Штернберг и советская власть

Как известно, пойдя на сотрудничество с новой властью, Штернберг, безусловно, достиг многого, в особенности в области преподавания. Так, впервые в жизни он мог открыто преподавать этнографию в вузах и стал (совместно с В.Г. Богоразом) главой «ленинградской

школы» советской этнографии. У него появилось много учеников, которых он мог отправлять «в поле» на государственные деньги.

Архив самого Льва Яковлевича и архив Географического института содержат ряд интересных документов, показывающих, как широко были его планы подготовки профессиональных этнографов¹. Мне кажется, что если бы ему удалось воплотить их в жизнь, ленинградская этнографическая школа превзошла бы любую зарубежную по разнообразию своих курсов и широте тематики.

Беда, конечно, была в том, что с 1924 г. эта программа сужалась, так как идеологи, отвечавшие за высшее образование в стране, начали заменять ряд ее предметов такими пресловутыми и не относящимися к делу курсами, как история ВКП (б). Несмотря на это идеологическое давление, которому он старался активно противостоять, как педагог Лев Яковлевич в целом выиграл от того, что остался в СССР. Можно также утверждать, что поскольку в первое десятилетие советской власти идеологическое давление на музеи было довольно слабым, после завершения Гражданской войны МАЭ продолжал существовать в тех же или даже в лучших условиях, чем до 1917 г.²

Как ученый Лев Яковлевич тоже, по-видимому, не испытывал каких-то притеснений со стороны властей, а тот факт, что он напеча-

¹ Автор приносит глубокую благодарность Людмиле Ковальчук за большую помощь в поисках, а также интерпретации архивных документов, связанных с работой Штернберга в Географическом институте.

² Если Штернберг-ученый и сильно страдал от чего-то после октябрьского переворота, то это было прекращение личного общения и переписки с зарубежными коллегами, а также почти полное прекращение получения научной литературы из-за границы. Как он писал Ф. Боасу в одном из первых писем, посланных им в Америку после восстановления переписки между двумя старыми коллегами, «человек еще может выжить без достаточного количества еды, тепла и одежды, но без веры в человека, без симпатии ему подобных, без коммуникаций, особенно научных, выжить очень трудно» [American Philosophical Society, Boas Papers. June 22. 1922] (перевод С. Кана). К счастью для Штернберга, в начале 1920-х годов такая переписка и обмен литературой с Западом постепенно возобновились, а в 1924 г. ему удалось еще раз выехать из страны и встретиться с зарубежными коллегами, побывав на очередном Международном Конгрессе американистов в Гааге и Гетеборге.

тал сравнительно мало работ после 1917 г., объясняется его огромной педагогической и музейной деятельностью. Не стоит забывать и то, что в 1924 г. он был избран в Академию наук, которая до 1917 г. была закрыта для него как еврея и, вероятно, как бывшего политического ссыльного.

Арест Штернберга во время Кронштадтского восстания

По всей вероятности, власти ценили то, что такой маститый ученый пошел на сотрудничество с ними довольно скоро после октября 1917 г. Помогали Штернбергу, безусловно, и такие факты его биографии, как борьба с царизмом и многолетние тюрьма и ссылка. Однако из этого не следует, что ВЧК полностью закрыла глаза на его эсеровское прошлое и особенно антибольшевистские публикации.

Именно это, скорее всего, и послужило причиной его ареста в феврале 1921 г. Согласно справке, выданной Штернбергу 3 марта 1921 г., он находился в Доме предварительного заключения с 25 февраля по 2 марта и был выпущен по распоряжению областного ЧК [СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 156]. Совершенно неожиданный арест старшего куратора МАЭ и декана этнографического отделения Географического института, по совместительству преподававшего в Петроградском университете, несомненно, потряс и переполошил его коллег.

Уже 28 февраля ректор университета и несколько других его руководителей направили письмо в городскую ЧК с просьбой освободить «профессора Штернберга, чья работа в университете в качестве старшего специалиста не может быть выполнена никем другим»¹. В прошении было сказано, что в случае невозможности полного освобождения Штернберга податели просят выпустить его на поруки университета. Те же лица отправили подобного рода послание в ЦЕКУБУ с просьбой, чтобы эта организация заступилась за него.

¹ Этот интереснейший документ был обнаружен мной в 2001 г. в архиве Петербургского университета [Ф. 95. Д. 3410. С. 47–49]. Думаю, что такого же рода прошение было послано в ЧК и администрацией Географического института, однако подобный документ не найден.

Неизвестно, какое именно из этих прошений помогло освобождению Льва Яковлевича — может быть все вместе, а может быть именно послание от ЦЕКУБУ, поскольку известно, что выпустили его по просьбе Максима Горького, основателя этой организации [Милиц 1968: 211, 219].

Остается выяснить, почему арест Штернберга произошел в конце зимы 1921 г., т.е. через три с лишним года после победы большевиков. Ответ на этот вопрос найти, на мой взгляд, нетрудно. Как известно, Кронштадтскому восстанию, начавшемуся 1 марта 1921 г., предшествовали забастовки и митинги рабочих в Петрограде, в ответ на которые в городе было введено военное положение и последовала волна арестов, захватившая не только рабочих-активистов, но и деятелей социалистических партий, в особенности эсеров. Повидимому, ретивые чекисты не старались делать большого различия между активными борцами против советской власти и старыми врагами большевиков, давно смирившимися с новым режимом.

Как записал в своем дневнике 27 февраля 1921 г. видный историк С.М. Дубнов, старый знакомый и соратник Льва Яковлевича по еврейскому освободительному и просветительскому движению, «объявлено военное положение в Петербурге: хватают, арестовывают. Забрали Штернберга, старого больного эсера, в последние годы отставшего от политики» [1998: 456].

Штернберг и процесс социалистов-революционеров (1922 г.)

Казалось бы, после ареста Лев Яковлевич должен был стать более осторожным и уже никогда не вмешиваться ни в какие несанкционированные режимом общественные выступления. Однако как человек, всегда откликавшийся на чужие страдания и глубоко преданный партии своей юности, он не мог не отреагировать на показательный процесс над видными деятелями ПСР, состоявшийся летом 1922 г. Он подписал первое обращение ветеранов народовольческого движения во ВЦИК с протестом против намечавшегося приговора (смертная казнь) двенадцати подсудимым¹.

¹ В советских анкетах на вопрос о своей партийной принадлежности Штернберг неизменно отвечал: «беспартийный, старый член партии “Народная воля”».

В отличие от других подобных обращений, посланных во ВЦИК с таким же протестом и подписанных двумя дюжинами старых народовольцев, первый протест, кроме Штернберга, подписало всего пять человек, в том числе два других видных этнографа-народовольца — Э.К. Пекарский и В.Г. Богораз. Основной идеей этого обращения было осуждение смертной казни, «исходящей от правительства и суда», как «нравственно недопустимой и противной духу социализма меры», в особенности после окончания Гражданской войны, когда «советскому государству уже не грозила никакая опасность и страна встала на путь умиротворения»¹.

Конечно, по сравнению с 1930-ми годами или даже с периодом «Академического дела» (1929–1931 гг.), 1922 г. был временем относительно спокойным. Но подобного рода обращение к властям не сулило подписавшим его лицам ничего хорошего и могло вполне быть припомнено им в будущем, тем более что Штернберг был, по видимому, автором его текста².

Помощь преследуемым коллегам и студентам и заступничество за них

Лев Яковлевич пришел на помощь и Надежде Владимировне Брюлловой-Шаскольской (1886–1937). Власти сначала собирались судить ее на том же процессе, но затем выдели ее дело в отдельное производство³. Она была специалистом по античной истории и этнологом. Штернберг познакомился с ней в 1910-х годах в ходе совместной работы в общественных организациях, занимавшихся борьбой против притеснения евреев России⁴. Они часто встречались и обсуждали как общественно-политические дела, так и общие научные ин-

¹ Красильников [2002: 558–559]. Авторы как этого, так и двух других обращений подчеркивали, что многие из них в свое время на собственном опыте убедились, как мучительно ожидание смертной казни для приговоренного [Там же].

² В архиве Штернберга находится копия этого обращения, написанная его собственной рукой [СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 102].

³ «Брюллова-Шаскольская, Н.В.» (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/622757>).

⁴ Научная и политическая деятельность Брюлловой-Шаскольской и основные вехи ее биографии подробно изложены в моей статье, опубликованной в «Этнографическом обозрении» [Кан 2008].

тересы, а в предреволюционные годы Надежда Владимировна посещала этнографический кружок Штернберга при МАЭ. Постепенно между ними завязалась крепкая дружба¹. Когда в 1918 г. умер муж Брюлловой-Шаскольской, историк и видный деятель ПСР, П.Б. Шаскольский, Штернберг и его жена проявили к ней, по ее словам, «сердечность и ласку» [СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 110. Л. 34].

С установлением в Петрограде красного террора Брюлловой-Шаскольской пришлось срочно выехать на Украину, где она занималась преподавательской и благотворительной деятельностью. В 1921 г. она смогла вернуться в родной город, где с помощью Штернберга ей удалось устроиться на работу в МАЭ сначала научным сотрудником, а потом хранителем и заведующей отделом Африки. Кроме того, она получила возможность преподавать в Еврейском университете и Географическом институте, что, мне думается, произошло тоже не без вмешательства Льва Яковлевича. В этот период, по словам Брюлловой-Шаскольской, она стала «ученицей Штернберга в полном смысле слова»².

Всей этой деятельности талантливого ученого пришел конец 25 июля 1922 г., когда она была арестована и приговорена к трем годам ссылки в Среднюю Азию по обвинению в контрреволюционной деятельности [Кан 2008: 94–95, 102]. Пока она находилась под следствием, Штернберг хлопотал об ее освобождении, посылал ей в тюрьму книги и убеждал продолжать заниматься научным трудом. Единственными друзьями, приехавшими на вокзал проститься с ней, были те же Штернберги [Там же].

Первые годы, проведенные в ссылке, из которой она смогла вернуться не через три года, а только через семь, одним из важнейших источников моральной силы для Брюлловой-Шаскольской были регулярные письма ее соратника, друга и учителя. По иронии судьбы этот старый революционер, который сам нашел спасение от безумной тоски и скуки на Сахалине в этнографических исследованиях, подбадривал теперь ссыльного товарища и коллегу тем, что вдохновлял

¹ Историю своих отношений со Штернбергом Брюллова-Шаскольская описала в воспоминаниях, которые она (как и другие ученики Штернберга) составила по просьбе супруги Льва Яковлевича, С.А. (Ратнер) Штернберг вскоре после кончины ученого [СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 110. Л. 34].

² Штернберг руководил всеми ее научными работами, а она посещала его семинар в Географическом институте [СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 110. Л. 34].

ее на изучение культуры местных жителей (туркменов) и посылал новинки научной литературы. Кроме того, он продолжал хлопотать о досрочном ее возвращении из ссылки.

Известие о смерти Льва Яковлевича легло черной тенью на все дальнейшее пребывание Брюлловой-Шаскольской в среднеазиатской ссылке. Как писала она его вдове в 1927 г., «он всегда был маяком, суровым и дорогим судьей всякой слабости. А теперь его нет... и, кажется, нет, совсем нет сил тянуть лямку ташкентской жизни» [СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 5. Д. 68. Л. 110].

А в письме Надежды Владимировны Богоразу сказано следующее: «Он был моей живой нитью, связывавшей меня с Академией и вообще с наукой... и она порвалась» [СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 4. Д. 51. Л. 2].

Брюллова-Шаскольская была не единственной жертвой режима, которой помогал Лев Яковлевич. Мне удалось установить также, что он поддерживал нескольких студентов, исключенных из университета и высланных на Север России и в Сибирь. Как писал ему из Тобольской области бывший студент-этнограф Георгий Штром, пострадавший, вероятно, из-за своего дворянского происхождения, «хотя я и не являюсь больше Вашим студентом, Вы по-прежнему мой декан!». Из писем Штрома учителю явствует, что, как и в случае с Брюлловой-Шаскольской, Штернберг настаивал на том, чтобы он воспользовался ссылкой для занятий этнографическими исследованиями местного населения [СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Д. 342. Л. 6–6а].

Есть сведения, что глава ленинградских этнографов вступался и за студентов, отчисленных из вузов в период злосчастной чистки 1924 г. Так, когда двух дочерей его старого друга и соратника по «Народной воле» и ПСР Моисея Кроля исключили из Петроградского университета «за отсутствие пролетарской идеологии», глубоко возмущенный Штернберг предъявил университетскому начальству ультиматум: или они будут восстановлены, или он уйдет с поста декана этнографического отделения географического факультета и даже профессора. Угроза подействовала, и двух опальных студенток-отличниц восстановили [Кроль 2008: 607]¹.

¹ Стоит отметить, что сам М.А. Кроль, видный сибирский эсер, избранный в Учредительное собрание, выехал в Харбин еще в начале 1919 г., а затем в Париж, где высказывал в печати резкие антисоветские суждения [Кроль 2008: 606–641].

Заключение

Мне хотелось бы подчеркнуть, что, хотя вскоре после прихода к власти большевиков Лев Яковлевич Штернберг отошел от активной борьбы с ними, он в целом не изменил своего гражданского поведения. Как и до 1917 г., он старался приходить на помощь жертвам произвола властей и не боялся помогать политзаключенным и выступать в их защиту.

Не боялся он и переписываться с некоторыми эмигрантами, которых власти никак не могли рассматривать как симпатизировавших Советскому Союзу. Так, после отъезда Дубнова за границу в 1922 г. Штернберг не только продолжал переписку с ним, но и приглашал его присылать работы для печатания в журнале «Еврейская старина», который Лев Яковлевич редактировал в 1922–1927 гг. [СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Д. 94]¹.

В августе 1924 г. он навестил Дубнова в Берлине по дороге на Международный Конгресс американистов в Гааге и подробно рассказал ему о чистке студентов и увольнениях неугодных властям профессоров [Дубнов 1998: 506]. 27 августа 1927 г. выдающийся историк российского еврейства сделал в дневнике следующую запись: «Умер еще один из нашего петербургского кружка: Л.Я. Штернберг. Три года назад он здесь был проездом, и мы говорили о печальной судьбе оставшихся в советской России» [Дубнов 1998: 523]².

Автор данной статьи преследовал две цели. С одной стороны, мне хотелось показать, что представление о Л.Я. Штернберг как о вполне лояльном «просоветском» ученом, до сих бытующее среди довольно многих моих коллег в России и за рубежом, не совсем соответствует действительности. С другой стороны (и это главное), я стремился привести примеры гражданского мужества этого замечательного ученого и человека.

Пусть по сравнению с 1930-ми годами 1920-е были, пользуясь выражением А. Ахматовой, «вегетарианскими», описанные мной

¹ Когда «Еврейская старина» была закрыта властями в конце 1929 г., одним из обвинений против редакции журнала были сношения с антисоветским эмигрантом Дубновым.

² К всему этому стоит добавить, что Штернберг не кривил душой и в своих печатных работах 1920-х годов.

поступки Штернберга — в особенности его выступление в защиту осужденных эсеров — безусловно, требовали значительного гражданского мужества. Насколько мне известно, не все его коллеги обладали этим качеством.

Библиография

Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. Люди и судьбы: Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период, 1917–1991. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.

Гаген-Торн Н.И. Лев Яковлевич Штернберг. Л.: Восточная литература, 1975.

Дубнов С.М. Книга жизни: воспоминания и размышления. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998.

Кан С.А. Брюллова-Шаскольская — этнолог, эсер, человек эпохи // ЭО. 2008. № 2. С. 87–105.

Кроль М.А. Страницы моей жизни. М.: Мосты культуры, 2008.

Мицк З.Г. Горький и КУБУ // Тартуский университет. Труды по русской и славянской филологии. 1968. 217. С. 170–250.

Судебный процесс над социалистами-революционерами в июне-августе 1922 г. / Ред. С. Красильников. М.: РОССПЭН, 2002.

Шелохаев В.В. Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы, 1900–1922. Т. 3. Ч. 1–2. М.: РОССПЭН, 2000.

Kan S. Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist. Lincoln: University of Nebraska Press, 209.

Poppe N.N. Reminiscences. Bellingham: Western Washington University, 1983.

Источники

Архив Л.Я. Штернберга. СПФ АРАН. Ф. 282.

Архив В.Г. Богораза. СПФ АРАН. Ф. 250.

Boas Correspondence American Philosophical Society (available on-line).